

**НАУЧНАЯ СТАТЬЯ**

УДК 94(47).063

Дата поступления: 26.04.2021
рецензирования: 03.05.2021
принятия: 26.05.2021**Особенности фортификационного строительства
в лесостепном Заволжье первой трети XVIII в.****Э.Л. Дубман**Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация.

E-mail: dubmane@mail.ru. ResearcherID (Web of Science): B-5869-2017. Scopus ID: 57194767210.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3282-2661>

Аннотация: В статье рассмотрены существенные изменения, наблюдаемые в начальные десятилетия XVIII в. при сооружении и использовании оборонительных систем на южных и юго-восточных рубежах Европейской России. Изучен вопрос, насколько новые фортификационные теории и технологии, воспринятые из Западной Европы, оказались пригодными для природно-географических условий нашей страны и успешного противостояния нападением кочевников. Анализ сложившейся к настоящему времени историографии российского оборонительного зодчества позволил получить достаточно полные ответы по рассматриваемой проблематике. В случае необходимости для специального изучения отдельных аспектов темы использовались опубликованные и архивные документы из центральных архивохранилищ. Выявленные материалы о проектировании и практике сооружения Новой Закамской линии позволяют сделать вывод, что руководство Военной коллегии и Канцелярии главной артиллерии и фортификации жестко контролировало проекты, подготовленные в пограничье; предлагаемые маршруты оборонительных линий. Особое внимание оно уделяло проверке обеспеченности их фортификационными сооружениями, а также использованию подготовленных в Канцелярии типовых образцов таких укреплений. Вместе с тем командиры и инженеры экспедиций, занимавшихся строительством линий и размещением на них полков ландмилиции, проявляли определенную самостоятельность во всех этих вопросах. Изучение деятельности руководства Закамской экспедиции показывает, что оно нередко вступало в споры с вышестоящим начальством и выходило из них победителем. В рассматриваемый период основополагающими являлись западноевропейские концепции фортификации. Именно ими руководствовались в Военной коллегии и Канцелярии главной артиллерии и фортификации. Однако работавшие в порубежье офицеры и инженеры были хорошо знакомы с особенностями военных угроз со стороны кочевников, стратегией и тактикой их нападений. В ходе проектирования и проведения строительных работ они показывали здравый смысл и знание основ военной инженерии. Наиболее очевидно это проявилось в ходе сооружения в первой половине 1730-х гг. Новой Закамской, а позднее сменившей ее Самарской линии. Переходный период в оборонительном зодчестве лесостепного пограничья завершается в 1730-х гг. В это время происходило постепенное приспособление западных фортификационных подходов к российским реалиям. Очевидным становится переход от непрерывных систем укреплений к «живым» линиям. Их строители все чаще используют различные применяемые к особенностям местности и природным условиям способы возведения оборонительных сооружений. Однако и в середине – второй половине столетия при создании оборонительных линий преобладает «рационально-геометрическое начало», соответствовавшее западноевропейским принципам фортификации.

Ключевые слова: лесостепное Заволжье; Самара, фортификация; западноевропейское влияние; ландмилиция; Украинская и Новая Закамская линии; крепости; фельдшанцы; редуты.

Цитирование. Дубман Э.Л. Особенности фортификационного строительства в лесостепном Заволжье первой трети XVIII в. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 2. С. 17–26. DOI: <http://doi.org/10.12287/2542-0445-2021-27-2-17-26>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Дубман Э.Л., 2021

Эдуард Лейбович Дубман – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 26.04.2021

Revised: 03.05.2021

Accepted: 26.05.2021

**Features of construction of fortification in the forest-steppe Zavolzhie region
of the first third of the XVIII century****E.L. Dubman**

Samara National Research University, Samara, Russian Federation

E-mail: dubmane@mail.ru. ResearcherID (Web of Science): B-5869-2017. Scopus ID: 57194767210.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3282-2661>

Annotation: The article examines the significant changes observed in the early decades of the 18th century. during the construction and use of defensive systems on the southern and southeastern borders of European Russia. The question of how the new fortification theories and technologies, adopted from Western Europe, turned out to be suitable for the natural

and geographical conditions of our country and for successfully resisting the attacks of nomads, was studied. An analysis of historiography of Russian defensive architecture that has developed to date, has made it possible to obtain fairly complete answers on the issues under consideration. For a special study of individual aspects of the topic, published and archival documents from the central archives were used. The revealed materials on the design and construction of the New Zakamskaya line allow us to conclude that the leadership of the Military Collegium and the Office of the main artillery and fortification tightly controlled the projects prepared in the borderlands, the proposed routes of the defensive lines. It paid particular attention to checking the provision of fortifications to them, as well as to the use of standard samples of such fortifications prepared in the Office. At the same time, the commanders and engineers of the expeditions involved in the construction of lines and the deployment of the Landmilitia regiments on them showed a certain independence in all these matters. A study of the activities of the leadership of the Zakamsk expedition shows that they often entered into disputes with their higher authorities and often emerged victorious from them. During the period under review, Western European concepts of fortification were fundamental. It was they who were guided in the Military Collegium and the Chancellery of the main artillery and fortification. However, officers and engineers working in the borderlands were well acquainted with the peculiarities of military threats from the nomads, the strategy and tactics of their attacks. During the design and construction work, they showed common sense and knowledge of the basics of military engineering. This was most evident during construction in the first half of the 1730-ies of New Zakamskaya Line, which was later replaced by Samaraskaya line. The transitional period in the defensive architecture of the forest-steppe borderland ends in the 1730-ies. At this time, there was a gradual adaptation of Western fortification approaches to Russian realities. The transition from continuous systems of fortifications to «live» lines becomes obvious. Their builders are increasingly using various, applied to the peculiarities of the terrain and natural conditions, methods of erecting defensive structures. However, even in the middle – second half of the century, when creating defensive lines, the "rational-geometric principle" prevailed, which corresponded to the Western European principles of fortification.

Key words: forest-steppe Trans-Volga region; Samara; fortification; Western European influence; land militia; Ukrainian and New Zakamskaya lines; fortresses; field workers and redoubts.

Citation. Dubman E.L. Features of construction of fortification in the forest-steppe Zavolzhie region of the first third of the XVIII century. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2021, vol. 27, no. 2, pp. 17–26. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-2-17-26>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Dubman E.L., 2021

Eduard L. Dubman – Doctor of Historical Sciences, professor, professor of the Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

В отечественной исторической науке общепризнанным является мнение, что уже в начальные десятилетия XVIII в. теория и практика оборонительного зодчества России подверглись мощному западноевропейскому воздействию. Прежде всего эти изменения проявились в регулярном строительстве Петербурга и других городов-крепостей на северо-западных рубежах страны. Но и при создании фортификационных сооружений в лесостепном пограничье и размещении при них военных гарнизонов наблюдалась ломка, сложившихся в эпоху Московского государства стереотипов [Русское... 1995, с. 276]. Именно европейские новации в традиционном, идущем еще с XVI в., стремлении защитить южное и юго-восточное «подбрюшье» европейской части страны, несмотря на ряд вышедших в последние десятилетия научных работ [Гукова 2009; Дубман 2005; Лавринова 2012; Буканова 1997], являются наименее исследованными. При этом, отметим, что предметом серьезного изучения они стали достаточно рано, еще в середине – второй половине XIX в. Достаточно назвать фундаментальные труды Ф.Ф. Ласковского, основанные на экспедиционных работах выходы М.И. Иванова и т. д. [Ласковский 1865; Иванов 1851].

Нас в этом отношении интересует развитие фортификационных сооружений европейского Юго-Востока. Этот регион, начиная с первой тре-

ти XVIII в. привлекавший особое внимание правительства, постепенно становился пространством интенсивной военно-административной и хозяйственной колонизации. Источниковой основой для исследования процессов, происходивших в его пространстве, стали материалы полевых экспедиционных исследований; а также опубликованные и архивные материалы, хранящиеся в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (А ВИМАИВиВС).

У истоков новаций в создании оборонительных систем на юго-восточных рубежах

Так, уже в самом начале XVIII в. вместо деревянных укреплений сгоревшей в 1703 г. самарской крепости был возведен весьма специфический для позднесредневекового городского зодчества «земляной замок». При выборе его конфигурации и типа оборонительных сооружений строители руководствовались совершенно иными фортификационными принципами, чем те, которые применялись в предшествующем столетии. Построенный почти полностью из земли «замок» имел форму неправильного ромба с башнями в углах. По периметру его земляных валов полностью отсутствовали традиционные деревянные башни и тарасные стены. Характерно, что оборо-

нительные сооружения из дерева в новой крепости играли крайне незначительную, вспомогательную роль [Дубман 2015, с. 152–160; Ширманов 1971, с. 10–18]. Пригород Казани Сергиевск, возведенный в том же 1703 г. на р. Сок и перестроенный в 1704 г. после вывоза разобранных деревянных укреплений на юг, также фактически становится «земляным замком». То же самое можно сказать об основанном в 1706 г. пригороде Самары, Алексеевске [Дубман 2015, с. 149, 151–152].

Качественные изменения происходили и в создании протяженных систем укреплений, так называемых «засечных черт», традиционных для оборонительного зодчества России XVI–XVII вв. и возводившихся на южных и юго-восточных рубежах страны для защиты от нападений кочевников. Сами определения «засечная черта», «засечная линия», «сторожевая линия», по мнению отдельных историков, являются историографическими и были впервые, как, например, считает М.С. Полубояров [Полубояров 2012], введены в научный оборот в 1858 г. Ф.Ф. Ласковским [Ласковский 1858, с. 18, 30–44]. Но это не совсем так. Действительно, традиционно в документации XVI–XVII вв. подобные сооружения называли «засеками» или «чертами». Но вместе с тем в ряде источников того времени, прежде всего в «Засечных книгах», понятие «засечная» зачастую употребляется определяющим в различных словосочетаниях, таких как «засечная книга», «засечная дорога», «сторожа засечные», «засечный лес» и т. д. При этом в отдельных случаях непрерывные системы укреплений называли именно «засечными чертами». Однако в эпоху преобразований Петра I эти обозначения практически выходят из употребления. Протяженные системы укреплений именуют теперь «линиями». Характерно в этом отношении употребление данных терминов в указах Петра, утверждавших проект строительства системы укреплений между Волгой и Доном. Так, в Указе от 15 ноября 1717 г. (везде старый стиль) в самой общей форме говорилось о необходимости «... сделать черту» между Волгой и Доном (ПСЗ-1. 1830. Т. 5. № 3116. С. 518). Однако Т.И. Лавриновой, автору исследования о Царицынской линии, удалось найти в делах Сената выписку из царского указа, датированного 31 января 1718 г. В нем уже говорилось, что: «...теми полками и всех чинов людьми сделать линию – вал и ров немалой, укладывая дерном, и по той линии в пристойных местах сделать небольшие крепости... К строению той линии и крепостей послать инженера из артиллерии» [Лавринова 2012, с. 29, 92]. Таким образом, в указах Петра этого времени начинает преобладать термин «линия». Его использование становится постоянным в ходе последующего строительства данной системы укреплений [Лавринова 2012, с. 3–4, 93–94].

Переход к новому понятию видимо был обусловлен тем обстоятельством, что название «засечные черты», как правило, связывали с их

возведением на залесенных территориях, где необходимо было устраивать протяженные полосы засек, которые перемежались с участками валов и рвов. Первая половина XVIII в. в Европейской России стала временем интенсивного освоения южной и юго-восточной лесостепи, где леса занимали лишь незначительные участки. Потому-то, вероятно, термины «засека» и «черта» утрачивают свою актуальность, их заменяет понятие «линия». Такая перемена в использовании терминологии и в реальной строительной практике была особенно характерна для Царицынской и Украинской линий. При их возведении совокупность отдельно располагавшихся крепостей, фельдшанцев и редутов соединяла в единое целое непрерывная система валов и рвов. Специфичной в данном отношении являлась лишь Новая Закамская линия в Заволжье. Ее начальный участок проходил в основном в широтном направлении на восток через степное пространство, но затем, начиная от Сергиевска, линия резко поворачивала на северо-восток в районы с преобладанием крупных лесных массивов. Потому-то почти треть всей ее протяженности – около 80 км – пришлось защищать засеками [Дубман 2005, с. 144].

Западноевропейские фортификационные методы и реалии российского южного и юго-восточного пограничья

Все указанные выше оборонительные системы являлись непрерывными. В них совокупность крепостей и других локальных центров обороны соединялась в единое целое валами и рвами, или как в случае с Новой Закамской линией еще и участками засек. Сооружение таких целостных протяженных систем укреплений требовало значительных затрат труда и времени, являлось крайне дорогостоящим. Каждый летний сезон в район строительных работ приходилось направлять тысячи крестьян, размещать для их охраны крупные военные силы. Отметим, что подобные непрерывные системы укреплений были традиционными для русской фортификации на всем протяжении XVI–XVII вв. Заимствованные в эпоху преобразований Петра I из Западной Европы новые регулярные подходы к строительству порубежных линий также основывались на концепции непрерывных, соединенных в единое целое, систем укреплений [Масловский 1883, с. 92]. Между тем ситуация на южных и юго-восточных границах к началу XVIII в. изменилась. Опасность нападений кочевников, по крайней мере в Заволжье, значительно уменьшилась. Прошедшая горнило Северной войны и Петровских реформ русская армия способна была без особых затруднений им противостоять. Это хорошо понимали военачальники, командовавшие крупными соединениями войск, размещенных в пограничье, и руководители экспедиций, строивших укрепленные линии. Однако вплоть до середины 1730-х гг. все их попытки внести коррективы в проекты Военной коллегии и Канцелярии главной артиллерии

и фортификации, как правило, были безуспешны. Можно предположить, что руководство этих учреждений в данном вопросе исходило не только из постулатов западноевропейской фортификационной науки и практики. Оно могло опасаться, что поселенные вдоль линий новые для того времени ландмилицкие полки не имели должного опыта военных действий, были слабо обучены и могли не выдержать напора кочевников.

В конце 1720 – начале 1730-х гг. развитие отечественной фортификации во многом зависело от геополитических приоритетов правящей элиты и деятельности главных военных учреждений страны во главе с Х.А. Минихом и другими выходцами из Западной Европы (в нее мы включаем и представителей, так называемой, «курляндской группы») [Русское... 1995, с. 276; Столяров 2014, с. 98–105]. Миних, талантливый и знающий военный инженер, полководец, последовательно становится обер-директором над фортификациями, генерал-фельдцейхмейстером и обер-директором Канцелярии главной артиллерии и фортификации Военной коллегии и, наконец, президентом Военной коллегии. Несомненно, что влияние его и близких к нему людей на развитие военного, в том числе и фортификационного, дела в России было всеобъемлющим [Ласковский 1865, с. 667, 670; Отечественная история... 2000, с. 602–604].

Отметим также, что российский корпус военных инженеров находился в рассматриваемый период в стадии становления. Во многом прав был один из крупнейших исследователей истории отечественной фортификации Ф.Ф. Ласковский, считавший, что: «...собственно русские инженеры, медленно подвигающиеся по пути своего образования, еще не достигли в общей массе той степени развития, при которой, собственным убеждением, собственным взглядом, могли бы верно оценивать рассматриваемый ими предмет. Они еще не отвыкли жить чужим умом; мало доверяя своим познаниям, они почти безусловно подчинялись иноземному влиянию, и, вследствие всего этого, авторитетом по инженерной части пользовались по-прежнему одни иностранцы, вступившие на службу в инженерном корпусе» [Ласковский 1865, с. 281]. Вместе с тем наше исследование процесса возведения Новой Закамской линии в Заволжье и действий руководителей этого предприятия Ф.В. Наумова, И.А. Бибикова и других офицеров показывает и иные вариации уровня военно-инженерного мышления и осознания угроз, которым должны были противостоять, возводимые ими оборонительные укрепления. Так, например, Ф.В. Наумову, назначенному в феврале 1731 г. вместо генерал-майора де Брильи для определения мест размещения укреплений и военных гарнизонов в Поволжье, было поручено осмотреть всю территорию от Дона и его притоков до Камы. Столь грандиозная задача была совершенно нереальна для выполнения и тайному советнику еще до начала организации Закамской экспедиции удалось убедить в этом Сенат. Тем са-

мым район будущего строительства удалось локализовать в пространстве Заволжья до междуречья Волги и р. Ик [Дубман 2005, с. 27–28]. Позднее руководство Закамской экспедиции смогло добиться внесения в основополагающий для производства экспедиционных работ именной указ Анны Иоанновны от 18 марта 1732 г. положения о строительстве линии только до р. Кичуй «а от Кичуи реки до реки Ику линию до времени не делать...» (ПСЗ-1. 1830. Т. 8. № 5993. С. 659). Это решение, казалось бы временное, стало решающим вплоть до завершения строительных работ и размещения ландмилиции. Основой для его принятия стали опасения подвигнуть башкирское население к новому выступлению. Последующие события восстания башкир середины 1730-х гг., вызванного деятельностью уже Оренбургской экспедиции, показало всю правоту данного решения. Таким образом, именно руководство экспедиции и ее военные инженеры во главе с И.А. Бибиковым, проведя обследование всей определенной для строительства местности и выявив основные направления и интенсивность нападений кочевых народов, разработали наиболее рациональный подход к выбору маршрута, протяженности и конфигурации линии. Отметим и ту настойчивость и упорство, с которыми Наумов и Бибиков пытались отстоять свой проект оборонительной системы в Заволжье перед руководством Военной коллегии [Дубман 2005, с. 37–46]. Однако принципиальных возражений против сооружения самой оборонительной линии, альтернативных проектов обеспечения безопасности рассматриваемого региона никто из них не выдвигал.

Лучше других смог аргументированно разобрататься в нецелесообразности осуществления столь дорогостоящего проекта руководивший группировкой войск в Западном Закамье, на так называемых, «Черемшанских форпостах», генерал-лейтенант В.П. Шереметев, младший брат знаменитого полководца Северной войны. В делах Сената хранится «промемория», в которой он убедительно доказывает, что обеспечить безопасность лесостепного Заволжья можно, затратив сравнительно небольшие средства на реконструкцию и обновление уже существующих укреплений, без строительства новой оборонительной линии и создания ландмилиции. Однако доказательства генерал-лейтенанта не были учтены при принятии окончательного решения (РГАДА. Ф. 248. Оп. 8. Д. 478. Л. 234–236 об.) [Дубман 2005, с. 48–49].

Сопоставляя проекты Новой Закамской и Самарской линий, трудно удержаться от соблазна отдать предпочтение последней, сооружение которой позволило приступить к широкомасштабному военно-административному и хозяйственному освоению европейского Юго-Востока и Южного Приуралья; создало условия для российской экспансии в степи Казахстана и Среднюю Азию. Но отметим, что эти проекты практически невозможно сопоставить. Закамская экспедиция дей-

ствовала в рамках данного ей правительством поручения и решала конкретные, поставленные перед ней задачи. Ее руководители и инженерная команда обследовали совершенно незнакомое им пространство и вряд ли задумывались о перспективах его дальнейшего развития. Очевидно, что руководство страны и Военная коллегия также исходили из узко понимаемых ими задач защиты юго-восточных рубежей страны [Ласковский 1865, с. 43]. В отличие от них, Кирилов, вынашивая свой проект, предполагал помимо обеспечения безопасности нового колонизируемого региона решение и важнейших геополитических задач, а именно экспансии в казахские степи и Среднюю Азию. Его план отличался глубоким для того времени знанием картографии и географии регионов Российской империи. Именно по поручению Кирилова Бибиков был послан в длительную командировку для обследования волжско-яицкого междуречья [Дубман 2005, с. 65, 71]. Разрабатывая совершенно иной проект выхода в Южное Приуралье из Уфы и приступив к его реализации, Кирилов вовремя смог понять, что более перспективным вариантом будет путь из Самары, где появится возможность воспользоваться результатами работы Закамской экспедиции, сформированными ею полками ландмилиции.

Рассмотренные нами материалы позволяют в целом согласиться с мнением известного военного историка Д.Ф. Масловского, считавшего, что руководившим военным ведомством Минихом: «...была решена постройка непрерывной украинской линии, которая носила на себе тип господствовавшей в то время в Западной Европе системы непрерывных укреплений, оказавшаяся в царствование Елизаветы неудобною, крайне тяжелою для населения и не приносящей пользы, хотя стоящей громадных затрат» [Масловский 1883, с. 92].

Действительно, конкретное изучение процесса строительства Украинской и, отчасти, Новой Закамской линий показывает, что едва ли не до середины 1730-х гг., концепции Вобана и других западноевропейских фортификаторов, воспринимались большинством российских военных инженеров как абсолютная истина [Вобан 1724; Вобан 1744; Штурм 1709]. Тем более что среди них в Инженерной школе и Инженерном корпусе преобладали в основном иностранные специалисты. Б.К. Миних, несомненно, был весьма знающим военным инженером, имел большой опыт фортификационных работ. Но очевидно, что он не смог полностью совместить свои представления с реалиями, сложившимися на южных и юго-восточных российских границах, специфичной тактикой и стратегией кочевников, бывших главной угрозой для этих рубежей. Для полной адаптации западноевропейской военной инженерии к российским природно-географическим и геополитическим особенностям еще не подошло время.

Вместе с тем, как уже говорилось выше, традиция строительства непрерывных укрепленных

систем, сложившаяся еще в середине XVI – XVII вв., также оказывала определенное влияние на формирование новых подходов в отечественной фортификации. Очевидно, что она не подвергалась сомнению и при Петре Первом. Так, в 1718–1720 гг. между Доном и Волгой была построена Царицынская линия, при сооружении которой использовался как предшествующий опыт русской фортификации, так и европейские новации в военной инженерии [Рябов, Самойлов, Супрун 1994, с. 104–104; Лавринова 2012, с. 80–81].

К сожалению, в приведенном выше утверждении Масловский несколько ошибается и в хронологии событий. Уже во второй половине правления Анны Иоанновны от идеи строительства непрерывных линий отказались руководители Оренбургской экспедиции. Именно в это время в Заволжье возвели «живую» Самарскую линию [Смирнов 1997, с. 41] и затем приступили к созданию аналогичных оборонных систем в Приуралье и Сибири.

Реализация проекта защиты южного и юго-восточного фронта России и использования ландмилиции

По мнению исследователей, идею об укреплении южного фронта непрерывной оборонительной линией выдвинул генерал И.Б. Вейсбах, служивший под началом командовавшего во второй половине 1720-х гг. Украинским корпусом, фельдмаршала М.М. Голицына [Ласковский 1865, с. 68; Петрухинцев 2001, с. 128; Багалей 1887, с. 298]. Сам Голицын, сторонник создания новых ландмилицких полков и массового использования их для защиты границ, выступил в начале 1729 г. с предложением заменить на южных рубежах полки регулярной армии на ландмилицкие. Это позволило бы резко сократить расходы на вооруженные силы и снизить налоговое бремя для податного населения. Как считает Н.Н. Петрухинцев, правительство поддержало предложения фельдмаршала, хотя и «ограничилось полумерами». Было принято решение увеличить количество ландмилицких полков, а также передать под руководство фельдмаршала все военные части на Юге и Юго-Востоке Европейской России (кроме украинского корпуса, драгун на Царицынской линии и Черемшанских форпостах). Именно М.М. Голицын и его окружение могли предложить проект о создании единой системы укрепленных линий по всему периметру лесостепной границы европейской России [Петрухинцев 2014, с. 227, 229, 231].

При изучении предложенной темы особый интерес представляет вывод Н.Н. Петрухинцева о возможности параллельного существования 2 проектов: «расширения ландмилиции» и строительства единой системы укрепленных линий. Позднее они вошли в единую программу. Причем план «расширения ландмилиции», по мнению историка, сыграл ведущую роль для будущей реформы [Петрухинцев 2014, с. 228–229].

Не будем специально останавливаться на подробном рассмотрении предпринятых практических шагов по подготовке проекта защиты трех наиболее опасных направлений на юге и юго-востоке от нападений кочевников. Отметим лишь, что осенью 1730 г. правительство уже имело план строительства Украинской линии [Ласковский 1865, с. 68; Петрухинцев 2014, с. 231]. В конце этого же года Сенат принял решение о необходимости одновременно начать сооружение Украинской, Закамской и Царицынской линий [Петрухинцев 2001, с. 128] (РГАДА. Ф. 248. Кн. 477. Л. 13–13 об.). Правительство согласилось с Сенатом о полномасштабном строительстве только 2 первых систем укреплений. С Царицынской линией дело обстояло значительно сложнее. Летом 1730 г. года комиссия фон Любарса (нередко в делах того времени встречаются варианты Любрас или Люберас) при ее обследовании пришла к неутешительным выводам. Члены комиссии посчитали, что эта система оборонительных сооружений не могла отразить нападения кочевников. Поэтому было предложено несколько вариантов перестроить укрепления, увеличить количество крепостей и даже изменить направление линии. Однако в конечном итоге остановились на том, что сооружения линии следует отремонтировать и отчасти перестроить [Лавринова 2012, с. 77].

Фактически новый правительственный проект должен был повторить на более южных территориях комплекс мероприятий почти вековой давности (второй половины 1630–1650-х гг.) по созданию единой системы защиты от границ с Речью Посполитой до среднего течения р. Камы. Предполагалось лишь использовать для его реализации новые европейские методы фортификации и формирования гарнизонов.

Подготовка совокупности «образцовых проектов» для возведения новых линий осуществлялась в эти годы специалистами Канцелярии главной артиллерии и фортификации. Современные исследователи, изучая творческое наследие проведенной Канцелярией работы, считают, что: «Проекты больших, средних и малых крепостей рассматривались как руководства, допускающие изменения при осуществлении строительства в конкретных условиях. Мелкие же крепостные единицы – редуты, фельдшанцы, форпосты, маяки и т. д. – возводились по всей стране по единым образцам. Составленные в 1730–1740-е годы инженерами военного ведомства проекты крепостей предусматривали не только правильные геометрические очертания укреплений, но и регулярное расположение находившихся внутри казенных, административных, хозяйственных и жилых зданий» [Русское... 1995, с. 276]. Действительно, проекты крепостей, присылаемые из столицы, местными фортификаторами редко выполнялись досконально. Но и «мелкие... крепостные единицы – редуты...», собственно валы, рвы, реданты и т. д. начинали строить отнюдь не по единым, спущенным из Канцелярии

образцам. В значительной степени это было обусловлено тем, что в столице вовремя не смогли подготовить и передать инженерам Украинской и Закамской экспедиций необходимые нормативно-проектировочные материалы. Сложившаяся ситуация растянулась на осень 1731 – лето 1732 гг. при строительстве Новой Закамской линии, и виновато в ней было руководство Канцелярии главной артиллерии и фортификации [Дубман 2005, с. 70]. На первых порах инженеры экспедиции во главе с И.А. Бибиковым при проведении строительных работ могли руководствоваться только самыми общими данными и своими собственными представлениями о размерах и профилях оборонительных сооружений. Совершенно аналогичная ситуация к лету 1732 г. наблюдалась и при возведении Украинской линии [Ласковский 1865, с. 71].

Но проявлялись и более серьезные конструктивные изменения, допущенные на местах. Например, сопоставление проектных чертежей и современных очертаний укреплений Красноярской и Черемшанской крепостей, показывает, что вместо 2 запроектированных рavelинов у каждой из них, построили только по одному [Дубман 2005, с. 164–165, 179]. К тому же в ходе строительных работ в Заволжье нередко были случаи замены обозначенных в проектах более значительных по размерам крепостей однотипными с ними Кичуйским и Шешминским фельдшанцами и т. д. Причем свидетельства о согласовании таких серьезных конструктивных изменений с центральными учреждениями не всегда удается выявить.

Ф.Ф. Ласковский и другие исследователи подвергли жесткой критике применение западноевропейских моделей, весьма сложных и чрезвычайно затратных при возведении крепостей, фельдшанцев и т. д. против такого нерегулярного противника, каковым были кочевые сообщества. Причиной этого, по их мнению, была несамостоятельность и низкий уровень подготовки российских инженеров, слепо использовавших западные образцы. К тому же большинство из них составляли иностранцы [Ласковский 1865, с. 65–6, 324–325]. Отметим, что действительно при всей твердости руководства Закамской экспедиции в отстаивании своих позиций ни Бибиковым, ни другими ее офицерами ни разу не поднимался вопрос о возведении более простых и менее трудоемких в строительстве оборонительных сооружений. Вместе с тем инженерная команда во главе с Бибиковым показала незаурядную изобретательность и умение использовать все необходимые подручные средства для качественного выполнения фортификационных работ.

Еще одна характерная особенность строившейся линии заключалась в том, что при ее сооружении был нарушен основополагающий принцип «непрерывности». При обсуждении протяженного участка между Красноярской и Сергиевской крепостями, руководители экспедиции так и не смогли убедить столичное начальство в том, что

оборонительные сооружения на всем его протяжении более чем в 60 км (Чернорецкий фельдшанец и совокупность редутов с поселениями ландмилиции), следует возводить по правому «к горам», северному берегу р. Сок. Наумов и Бибииков, на наш взгляд, совершенно справедливо считали, что все это пространство должно защищать русло реки и отдельные локальные укрепления. Тем самым можно было отказаться от сооружения непрерывной линии вала и рва.

При этом парадоксальным выглядит тот факт, что из обсуждения совершенно выпала необходимость как-то прикрыть несколько десятков километров между Кинельским редутом (который официально считался началом линии) и г. Самарой. Пригород Алексеевск автоматически попадает в состав линии уже в начале весны 1732 г. [Дубман 2005, с. 64–65]. Его и Кинельский редут система валов и ровов не соединяла.

В последние годы работы Закамской экспедиции под командование Ф.В. Наумова перешли гарнизоны Самары и ее пригорода Алексеевска. Между ними при впадении р. Падовки в Самару был построен Падовский ретраншемент. Таким образом, фактически Новая Закамская линия включила в себя пространство между Кинельским редутом и г. Самарой, что было совершенно логично. Но весь этот участок был прикрыт только руслом одноименной реки; никаких непрерывных оборонительных укреплений, он не содержал. Все выше приведенные факты позволяют предположить, что догмат «непрерывности» в реальных условиях производства работ нередко проигрывал здравому смыслу.

Отметим, что современные исследователи, занимающиеся изучением оборонительных линий Приуралья и Сибири, также приходят к выводу, что, несмотря на широкое использование постулатов и конкретных образцов западноевропейской школы фортификации, в конкретных условиях российские военные инженеры уже в середине – второй половине XVIII в. вынуждены были вносить существенные коррективы в проекты и требования Военной коллегии [Шемелина 2016, с. 84–92; Муратова 2018, с. 168–174; Муратова, Тычинских 2017, с. 33–38].

Руководство военным ведомством России при инспектировании строившихся линий требовало проведения дополнительных работ в случае выявления на них конструктивных недостатков [Ласковский 1865, с. 70, 74–76]. При этом создается впечатление, что в центре, в том числе и у самого Миниха, действия Наумова и Бибиикова в Закамье вызывали гораздо меньше нареканий, чем организационно-строительные методы работы руководителей Украинской экспедиции Тараканова и де Бриньи. Так, уже в 1731 г. Сенат и Канцелярия главной артиллерии и фортификации указали последним на серьезные недостатки в сооружении линии и потребовали перестройки системы укреплений с изменением их маршрута [Ласковский 1865, с. 69–70] (ПСЗ-1. 1830. Т. 8. № 5778. С. 476–477).

При всей близости проектов и конкретных фортификационных сооружений Украинской и Новой Закамской линий они имели существенные различия. Руководство Российской империи, да и сам Миних, хорошо понимали, что южное направление являлось наиболее опасным и важным при создании эффективной обороны. Там, в отличие от лесостепного Заволжья, были необходимы дополнительные укрепления и более многочисленные гарнизоны, чтобы противостоять такому серьезному противнику, каковым являлись крымские татары. Именно поэтому Украинская линия оказалась более насыщена мощными крепостями и фельдшанцами, значительным количеством блокгаузов [Заика 2001, с. 9–17; Гукова 2009, с. 79, 82, 113, 116; Ленченко 2006, с. 97–103]. Судя по отчетам возводивших Новую Закамскую линию инженеров, данным ее ландкарт, в ходе обследования удалось выявить значительно меньше крупных бастионных шанцев и прочих систем укреплений. Конкретных данных о строительстве и использовании блокгаузов, столь часто встречающихся на Украинской линии, практически не обнаружено.

Сопоставление конструктивных особенностей «земляного замка» в Самаре и других оборонительных сооружений в южной лесостепи Заволжья начала XVIII в. с укреплениями Новой Закамской и отчасти Украинской линий показывает, что произошла значительная эволюция заложенных ранее принципов военной инженерии. К ним относятся полное преобладание земляных укреплений, четкая и продуманная геометричность их профилей, отсутствие деревянных башен и тарасных стен по периметру бастионных шанцев. Больверки «земляного замка» в Самаре эволюционировали в бастионную систему и куртины.

Для бастионных шанцев – крепостей и фельдшанцев – характерной особенностью становится крайняя скудность конструктивных сооружений в их внутреннем пространстве. Роты ландмилиции размещались под защитой укреплений расположенного при бастионном шанце или при редуте поселения, вне крепостного полигона, то есть внутреннего пространства крепости. Никаких казарм там также не устраивалось. Несомненно, без деревянных ворот, подъемных мостов, палисадника вдоль покрытого пути и, наконец, пороховых погребов, будок для караула («караулен»), маяка и колодца внутри самой крепости обойтись было невозможно. Но практически вся остальная базовая система оборонительных сооружений возводилась из земли [Дубман 2005, с. 132–151]. Стрельба из огнестрельного оружия шла или с прикрытого пути через гласис, где был устроен частокол, или через банк, т. е. с гребня насыпи. Даже пушки устанавливались на специальных земляных насыпях – барбетах, покрытых деревянными настилами для устойчивости орудия. Стрельба из пушек велась примерно также, как и из ручного огнестрельного оружия – через банк, т. е. поверх бруствера, что позволяло наводить их в любую сторону [Теляковский 1848, черт. 8, 10].

Заключение

На наш взгляд, переходный этап, о котором идет речь в этой статье, в лесостепном пограничье завершается в середине – второй половине 1730-х гг. Рассматриваемый период для пограничных оборонительных линий можно назвать временем постепенного приспособления западных фортификационных подходов к российской действительности. Уже во второй половине правления Анны Иоанновны и позднее, происходит переход от господствовавших ранее непрерывных систем укреплений к «живым» линиям. При возведении протяженных систем укреплений, их строители все чаще начинают использовать самые различ-

ные, применяемые к особенностям местности и природным условиям, способы возведения оборонительных сооружений. Нередко, они возвращаются к более широкому и разнообразному комбинированию в рамках: дерево – земляной системы, использованию деревянных башен, тарасных стен и частоколов. Вместе с тем даже в Сибири во второй половине столетия при проектировании и строительстве бастионных крепостных сооружений преобладает «рационально-геометрическое начало», соответствовавшее западноевропейским принципам фортификационной науки [Шемелина 2016, с. 89].

Материалы исследования

Гукова 2009 – Гукова Е.А. Оборона южных рубежей России в XVIII веке: Украинская линия и Украинский ландмилицкий корпус (1710–1780 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2009. 277 с.

ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. Санкт-Петербург: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Столяров 2014 – Столяров О.Д. Иностранцы в правящей элите России в первой половине XVIII века: проблема интеграции: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2014. 227 с.

Библиографический список

Багалея 1887 – Багалея Д.И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. Москва: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1887. II, XVI, 614 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book4323/52917>.

Буканова 1997 – Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа: Китап, 1997. 256 с.: ил. URL: https://vk.com/doc704697_441295386?hash=7b69c8aab77059d932&dl=6a0c8dff85aecfcdf1.

Вобан 1724 – Вобан С. Истинный способ укрепления городов. Санкт-Петербург, 1724. 75 [II+132 стр. + 14 стр.].

Вобан 1724 – Вобан С. Книга о атаке и обороне крепостей. Санкт-Петербург, 1744. 160 с. URL: <http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Voban.pdf>.

Дубман 2005 – Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. 2-е изд., испр. и доп. Самара: Самарский университет, 2005. 196 с. URL: <http://rushist.samsu.ru/books1/dubmane2005.pdf>.

Дубман 2015 – Дубман Э.Л. Земляная крепость в Самаре и другие оборонительные сооружения региона в конце XVII – начале XVIII в. // Самарский край в истории России: материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения П.В. Алабина. Вып. 5. Самара, 2015. С. 148–168. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43095166>.

Заїка 2001 – Заїка Г.П. Українська лінія. Київ; Полтава: Археологія, 2001. 88 с.

Иванин 1851 – Иванин М.И. Описание Закамских линий // Вестник императорского Русского географического общества. 1851. Ч. 1. Кн. 2. VI. География историческая. С. 57–72.

Лавринова 2012 – Лавринова Т.И. Царицынская линия: история строительства в 1718–1720 и первые годы существования. Волгоград: Издатель, 2012. 95 с.: карты.

Ласковский 1858 – Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть 1. Опыт исследования инженерного дела в России до XVIII столетия. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1858. 4, 316 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book7859/453853>.

Ласковский 1865 – Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Часть III. Опыт исследования инженерного искусства после императора Петра I до императрицы Екатерины II. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1865. 6, 1016 с.

Ленченко 2006 – Ленченко В.О. Українська лінія // Військово-історичний альманах. 2006. № 2 (13). С. 97–103. URL: http://militarist.milua.org/via/VIA_13-lenchenko.pdf.

Масловский 1883 – Масловский Д. Строевая и полевая служба русских войск времен императора Петра Великого и императрицы Елизаветы. Историческое исследование. Москва: Тип. Окружного штаба, 1883. 199 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book3169/10096>.

Муратова 2018 – *Муратова С.Р.* Влияние западноевропейских традиций военного зодчества на развитие инженерных идей и форм фортификации на Урале и в Западной Сибири в XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 168–174. DOI: <http://doi.org/10.17223/15617793/429/21>.

Муратова, Тычинских 2017 – *Муратова С.Г., Тычинских З.А.* Фортификационные особенности пограничных крепостей Урала и Западной Сибири XVIII в. // Проблемы востоковедения. 2017. № 3 (77). С. 33–38. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30454872>.

Отечественная история... 2000 – *Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. Т. 3. К–М.* Москва: Большая Российская энциклопедия, 2000. 623 с.: ил. URL: https://vk.com/wall-23433303_13989.

Петрухинцев 2001 – *Петрухинцев Н.Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривосточного курса и судьбы армии и флота 1730–1735 г.: учеб. пособие. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. 349, [2] с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25752522>.

Петрухинцев 2014 – *Петрухинцев Н.Н.* Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). Москва: РОССПЭН, 2014. 1062, [1] с.: табл.

Полубояров 2012 – *Полубояров М.С.* Низовые и заволжские города в системе обороны Русского государства в XVI – начале XVIII вв. 2012 г. URL: http://www.suslony.ru/hist_librs/Opis_gorodov/Goroda_vstuplenie.htm.

Русское... 1995 – *Русское градостроительное искусство: Петербург и другие новые российские города XVIII – первой половины XIX веков / НИИ теории арх-ры и градост-ва; под общ. ред. Н.Ф. Гуляницкого.* Москва: Стройиздат, 1995. 404 с.: ил. URL: <http://books.totalarch.com/n/1143>.

Рябов, Самойлов, Супрун 1997 – *Рябов С.И., Самойлов Г.П., Супрун В.И.* Петр I в Царицыне и на среднем Дону. Волгоград: Перемена, 1994. 174 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24868747>.

Смирнов 1999 – *Смирнов Ю.Н.* Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара: Самарский университет, 1997. 190 с. URL: http://orenkraeved.ru/images/biblioteka/istoriya_i_kraevedenie/orenburgskaya_ekspediciya_komissiya/orenburgskaya_ekspediciya_komissiya.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23262222>.

Теляковский 1848 – *Теляковский А.З.* Фортификация / сост. Лейб-гвардии сапер. батальона штабс-кап. Аркадий Теляковский. 2-е изд., испр. и доп. Ч. 1. Санкт-Петербург: Тип. И.И. Глазунова и К°, 1848. 225 с., ил., схемы. URL: http://militera.lib.ru/manuals/telyakovsky_az01/index.html.

Шемелина 2016 – *Шемелина Д.С.* Основы европейской фортификации в типовых проектах укреплений по сибирским оборонительным линиям XVIII в. // Новые материалы по истории фортификации: ст. и материалы III и IV международных науч.-практ. конф. Архангельск: Новодвинка, 2016. С. 84–92. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38253501>; <http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Shemelina.pdf>.

Ширманов 1971 – *Ширманов А.К.* Из истории оборонительных укреплений города Самары в XVI–XVIII веках // Краеведческие записки. Вып. 2. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1971. С. 3–23. URL: <http://www.alabin.ru/nauka-i-issledovanie/kraevedcheskie-zapiski/kraevedcheskie-zapiski-vypusk-2.php>.

Штурм 1709 – *Штурм Л.К.* Архитектура воинская. Гипотетическая, и эклектическая. Москва, 1709. 237 с., 55 л. черт.: табл. URL: <http://books.totalarch.com/n/1091>.

References

Bagaley 1887 – *Bagaley D.I.* (1887) Essays from the history of colonization of the steppe outskirts of the Moscow state. Moscow: Imp. o-vo istorii i drevnostei ros. pri Mosk. un-te, II, XVI, 614 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book4323/52917>. (In Russ.)

Bukanova 1997 – *Bukanova R.G.* (1997) Fortress cities of southeastern Russia in the XVIII century. The history of the formation of cities on the territory of Bashkiria. Ufa: Kitap, 256 p.: illustrated. Available at: https://vk.com/doc704697_441295386?hash=7b69c8aab77059d932&dl=6a0c8dff85aecfaf1. (In Russ.)

Vauban 1724 a – *Vauban S.* (1724 a) A true way of strengthening cities. Saint Petersburg, 1724, 75 [II + 132 pp. + 14 pp.]. (In Russ.)

Vauban 1724 b – *Vauban S.* (1724 b) A book about the attack and defense of fortresses. Saint Petersburg, 160 p. Available at: <http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Voban.pdf>. (In Russ.)

Dubman 2005 – *Dubman E.L.* (2005) New Zakamskaya line: fate, project, construction. 2nd ed., revised and enlarged. Samara: Samarskii universitet, 196 p. Available at: <http://rushist.samsu.ru/books1/dubmane2005.pdf>. (In Russ.)

Dubman 2015 – *Dubman E.L.* (2015) An earthian fortress in Samara and other defensive structures of the region in the late XVII – early XVIII centuries. In: *Samara region in the history of Russia: materials of the interregional scientific conference dedicated to the 190th anniversary of the birth of P.V. Alabin. Issue 5.* Samara, pp. 148–168. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43095166>. (In Russ.)

Zaika 2001 – *Zaika G.P.* (2001) Ukrainian line. Kiev; Poltava: Arkheologiya, 88 p. (In Ukrainian.)

Ivanin 1851 – *Ivanin M.I.* Description of the Zakamsky lines. *Bulletin of the Imperial Russian Geographical Society. 1851. Part 1. Book. 2. VI. Historical geography*, pp. 57–72. (In Russ.)

- Lavrinova 2012 – *Lavrinova T.I.* (2012) Tsaritsyn line: the history of construction in 1718–1720 and the first years of its existence. Volgograd: Izdatel', 95 p.: maps. (In Russ.)
- Laskovsky 1858 – *Laskovsky F.F.* (1858) Materials for the history of engineering art in Russia. Part I. Experience in the study of engineering in Russia before the XVIII century. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 4, 316 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book7859/453853>. (In Russ.)
- Laskovsky 1865 – *Laskovsky F.* (1865) Materials for the history of engineering art in Russia. Part III. Research experience in engineering after Emperor Peter I to Empress Catherine II. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 6, 1016 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book7859/453860>. (In Russ.)
- Lenchenko 2006 – *Lenchenko V.O.* (2006) Ukrainian line. *Vii's'kovo-istorichnii al'manakh*, no. 2 (13), pp. 97–103. Available at: http://militarist.milua.org/via/VIA_13-lenchenko.pdf. (In Russ.)
- Maslovsky 1883 – *Maslovsky D.* (1883) Combat and field service of the Russian troops during the times of Emperor Peter the Great and Empress Elizabeth. Historical research. Moscow: Tip. Okruzhnogo shtaba, 199 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book3169/10096>. (In Russ.)
- Muratova 2018 – *Muratova S.R.* (2018) Influence of the West European traditions of military architecture on the development of engineering ideas and fortification forms in the Urals and Western Siberia in the 18th century. *Tomsk State University Journal*, no. 429, pp. 168–174. DOI: <http://doi.org/10.17223/15617793/429/21>. (In Russ.)
- Muratova, Tychinskikh 2017 – *Muratova S.G., Tychinskikh Z.A.* (2017) Fortification peculiarities of frontier fortresses in the Urals and Western Siberia in the 18th century. *The Problems of Oriental Studies*, no. 3 (77), pp. 33–38. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30454872>. (In Russ.)
- Domestic history... 2000 – Domestic history (2000) *Domestic history: History of Russia from ancient times to 1917: Encyclopedia*. Vol. 3. K–M. Moscow: Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 623 p., illustrations. Available at: https://vk.com/wall-23433303_13989. (In Russ.)
- Petrukhintsev 2001 – *Petrukhintsev N.N.* (2001) The reign of Anna Ioannovna: the formation of internal political course and the fate of the army and navy in 1730–1735: textbook. Saint Petersburg: Aleteiya, 349 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25752522>. (In Russ.)
- Petrukhintsev 2014 – *Petrukhintsev N.N.* (2014) Internal policy of Anna Ioannovna (1730–1740). Moscow: ROSSPEN, 1062, [1] p.: tables. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25885986>. (In Russ.)
- Poluboyarov 2012 – *Poluboyarov M.S.* (2012) Grassroots and Trans-Volga cities in the defense system of the Russian state in the XVI – early XVIII centuries. Available at: http://www.suslony.ru/hist_librs/Opis_gorodov/Goroda_vstuplenie.htm. (In Russ.)
- Russian... 1995 – *Gulyanitsky N.F.* (Ed.) (1995) *Russian town-planning art: Petersburg and other new Russian cities of the XVIII – first half of the XIX centuries*. Moscow: Stroizdat, 404 p.: illustrations. Available at: <http://books.totalarch.com/n/1143>. (In Russ.)
- Ryabov, Samoilov, Suprun 1994 – *Ryabov S.I., Samoilov G.P., Suprun V.I.* (1994) Peter the Great in Tsaritsyn and on the middle Don. Volgograd: Peremena, 174 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24868747>. (In Russ.)
- Smirnov 1997 – *Smirnov Yu.N.* (1997) Orenburg expedition (commission) and the annexation of Zavolzhie to Russia in the 30–40-ies of the XVIII century. Samara: Samarskii universitet, 190 p. Available at: http://orenkraeved.ru/images/biblioteka/istoriya_i_kraevedenie/orenburgskaya_ekspediciya_komissiya/orenburgskaya_ekspediciya_komissiya.pdf; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23262222>. (In Russ.)
- Telyakovsky 1848 – *Telyakovsky A.Z.* (1848) Fortification. Compiled by the Imperial Guard sapper battalion staff captain Arkady Telyakovsky. 2nd edition, revised and enlarged. Part I. Saint Petersburg: Tip. I.I. Glazunova i K^o, 225 p., illustrated, schemes. Available at: http://militera.lib.ru/manuals/telyakovsky_az01/index.html. (In Russ.)
- Shemelina 2016 – *Shemelina D.S.* (2016) Foundations of European fortification in typical projects of fortifications along the Siberian defensive lines of the XVIII century. In: *New materials on the history of fortification. Articles and materials of the III and IV international research and practical conferences*. Arkhangelsk: Novodvinka, pp. 84–92. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38253501>; <http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Shemelina.pdf>. (In Russ.)
- Shirmanov 1971 – *Shirmanov A.K.* (1971) From the history of the defensive fortifications of the city of Samara in the XVI–XVIII centuries. In: *Kraevedcheskie zapiski. Vyp. 2*. Kuibyshev: Kuibyshevskoe knizhnoe izdatel'stvo, pp. 3–23. Available at: <http://www.alabin.ru/nauka-i-issledovanie/kraevedcheskie-zapiski/kraevedcheskie-zapiski-vypusk-2.php>. (In Russ.)
- Shturm 1709 – *Shturm L.K.* (1709) Military architecture. Hypothetical and eclectic. Moscow, 237 p., 55 p. of drawings: tables. Available at: <http://books.totalarch.com/n/1091>. (In Russ.)